

Арискина Ю.Э.

DOI: 10.7256/2222-1972.2014.1.12094

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Сподвижники «монарха-гражданина»: взаимоотношения Ф.-Ц. Лагарпа и Негласного комитета

Аннотация: В самодержавном государстве, где право принятия важнейших решений принадлежит исключительно монарху, фактор влияния окружения на особу императора приобретает особое значение. В России начала XIX в. этот фактор усугублялся тем, что вступивший на престол в результате государственного переворота император был молод и не имел существенного опыта участия в государственных делах. Возможность влиять на Александра I получили некоторые придворные сановники, в числе которых в начале его царствования присутствовали и заговорщики, вошедшие в Непременный (Государственный) совет при императоре. Однако наиболее важную роль в окружении императора играли участники Негласного комитета – четверо «молодых друзей» императора и его наставник Ф.-Ц. Лагарп. Лагарп был не просто наставником Александра I, но являлся одним из крупнейших политических деятелей Гельветической республики, что выводило их взаимоотношения за рамки традиционной схемы «учитель–ученик» и придавало им особый характер. Представляется интересным рассмотреть как внешнюю, так и внутреннюю сторону личных отношений и совместной работы Лагарпа прежде всего с его коллегами по Негласному комитету – «молодыми друзьями» Александра I. В качестве источников для данной статьи выступили переписка Александра I и Лагарпа из архива последнего, опубликованная в Швейцарии в 1978 г., а также опубликованные и архивные материалы из фонда Строгановых. Переписка Александра I и Лагарпа до недавнего времени не привлекала внимания отечественных исследователей. Одновременное рассмотрение переписки Лагарпа с императором и записок П. А. Строганова о деятельности Негласного комитета позволяет воссоздать картину взаимоотношений и механизм принятия решений в кругу приближенных Александра I.

Annotation: In an autocratic state where the right to make important decisions belongs exclusively to the monarch, the factor of influence of the milieu on the person of the emperor is of great importance. In Russia at the beginning of the XIXth century, this factor is made all the more significant when through a coup d'état the throne came to be occupied by a young emperor, who did not have much experience in handling government affairs. Several court dignitaries gained the opportunity to have influence on Alexander I, including at the beginning of his reign conspirators, who were part of the Indispensable (State) Council of the emperor. However, the most important role in the milieu of this emperor was played by the Private Committee members – by four “young friends” of the emperor and his mentor F.-C. Laharpe. Laharpe was not only the mentor of Alexander I, but was also one of the major political figures of the Helvetic Republic, which took their relationship beyond the traditional scheme of “mentor–pupil” and gave it a particular character. It is interesting to consider both the external and the internal sides of the personal relationships and collective work of Laharpe, above all, with his colleagues in the Private Committee – with the “young friends” of Alexander I. The sources for this article are the letters of correspondence between Alexander I and Laharpe from the latter's archive, published in Switzerland in 1978, as well as the published and archival material from the Stroganov collection. The correspondence between Alexander I and Laharpe until recently did not attract the attention of Russian scholars. The simultaneous consideration of the correspondence of Laharpe with the emperor and of the notes of P. A. Stroganov on the activities of the Private Committee allows to recreate the nature of the relationship and of the mechanisms of decision-making in the entourage of Alexander I.

Ключевые слова: правительственный конституционализм, конституция, крестьянский вопрос, административные реформы, Ф.-Ц. Лагарп, Негласный комитет, Александр I, история России, П.А. Строганов, народное просвещение.

Key Words: government constitutionalism, constitution, the peasant question, administrative reforms, F.-C. Laharpe, the Private Committee, Alexander I, history of Russia, P.A. Stroganov, public education.

Всамодержавном государстве, где право принятия важнейших решений принадлежит исключительно монарху, фактор влияния окружения на особу императора приобретает особое значение. В России начала XIX в. ситуация усугублялась тем, что вступивший на престол в результате государственного переворота император был молод и не имел существенного опыта участия в государственных делах. Возможность влиять на Александра I получили некоторые придворные сановники, в числе которых в начале его царствования присутствовали и заговорщики, вошедшие в Непременный (Государственный) совет при императоре. Однако наиболее важную роль в окружении императора играли участники Негласного комитета – четверо «молодых друзей» императора и его наставник Фридрих-Цезарь Лагарп.¹

Лагарп был не просто наставником Александра I, но являлся одним из крупнейших политических деятелей Гельветической республики, что выводило их взаимоотношения за рамки традиционной схемы «учитель–ученик» и придавало им особый характер, как справедливо замечает в новейшей историографии А.Ю. Андреев². Андреев продемонстрировал важность и недооцененность степени влияния Лагарпа на политику Александра I. Вопросы о взаимоотношениях Лагарпа с ближайшими сподвижниками Александра пока оставались вне поля зрения исследователей, в то время как они могли бы также стать одним из ключей к пониманию взглядов молодого императора на проблему реформирования России. Таким образом, представляется интересным рассмотреть как внешнюю, так и внутреннюю сторону личных отношений и совместной работы Лагарпа прежде всего с его коллегами по Негласному комитету – «молодыми друзьями» Александра I.

Источниками для данной статьи выступили переписка Александра I и Лагарпа из архива последнего (опубликованная в 1978–1980 гг.), а также опубликованные и архивные материалы из фонда Строгановых. Используемая публикация переписки императора с Лагарпом³ не привлека-

ла до недавнего времени внимания отечественных исследователей, хотя ее научная ценность и уникальность не вызывает сомнения.⁴ Архив Павла Строганова, «летописца» Негласного комитета, является известным источником, введенным в научный оборот еще в XIX в.⁵ Тем не менее, записки Строганова, среди которых можно особо выделить собственно «протоколы» заседаний Негласного комитета, являются уникальным и незаменимым источником по истории этого учреждения, поскольку неофициальный статус комитета не предполагал иных способов фиксации содержания его собраний. В данной статье были использованы как опубликованные в начале XX в. великим князем Николаем Михайловичем материалы⁶, так и неопубликованные записки, хранящиеся в фонде 1278 Российского государственного архива древних актов.⁷

Кружок единомышленников великого князя Александра, составивших впоследствии Негласный комитет, сложился уже в царствование Павла I. С начала 1797 г. А. Чарторыйский, Н. Н. Новосильцев и П. А. Строганов (а несколько позже – и В. П. Кочубей) стали постоянными участниками бесед с великим князем о современном состоянии империи и необходимости преобразований.⁸ Александр с восхищением рассказывал новым товарищам о Лагарпе: «Он с благоговением говорил мне о своем наставнике, г-не Лагарпе, как о человеке высокой добродетели, истинной мудрости, строгих правил, сильного характера. Ему он был обязан всем, что в нем есть хорошего, всем, что он знает; ему в особенности он был обязан всеми началами истины и справедливости, которые он имеет счастье носить в своем сердце, и которые развил в нем Лагарп»⁹, – пишет Чарторыйский. Переписка Александра с бывшим наставником была ограничена по распоряжению Павла I, и «молодых друзей», стремившихся «наполнять его [великого князя. – Ю.А.] голову верными принципами

¹ Традиционно в историографии Лагарпа принято называть на немецкий манер Фридрих-Цезарь, однако сегодня встречается и французская транскрипция его имени – Фредерик-Сезар.

² Андреев А. Ю. Император и его учитель: личные и политические аспекты взаимоотношений Александра I и Ф.-С. Лагарпа // Филаретовский альманах. 2012. № 8.

³ Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille imperiale de la Russie / publiee par J. Ch. Biaudet et F. Nicod. Neuchatel, 1978–1980. T. 1.

⁴ Андреев А. Ю. «Записки» Ф.-С. Лагарпа как источник по истории России конца XVIII – начала XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви. 2013. № 4.

⁵ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869.

⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). СПб., 1903. Т. 2.

⁷ РГАДА. Ф. 1278 «Строгановы».

⁸ Подробнее о Санкт-Петербургском кружке см.: Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. Л., 1988.

⁹ Чарторыйский А. Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия: из записок князя А. Чарторыйского. М., 2007. С. 41.

и направлять во благо его склонности»¹⁰, посетила мысль снарядить Новосильцева в путешествие в Европу. Целью поездки, по словам Строганова, было «связаться с Лагарпом, узнать, что он за человек, и постараться с его помощью найти способ направлять мысли Великого Князя»¹¹. Предприятие было сопряжено с определенными трудностями, но его горячо поддержал Александр, а князь А. А. Безбородко и Ф. В. Ростопчин¹² оказали Новосильцеву помощь при получении разрешения на выезд за границу под предлогом поправления здоровья. Для переписки был придуман шифр: место, где жил Лагарп, называлось «Воды»; сам Лагарп именовался «врачом». Для большей убедительности вместе с Новосильцевым поехал его племянник, от рождения имевший больную ногу.

Новосильцев покинул порт Кронштадта 6 ноября 1797 г., направляясь в Англию¹³ и имея при себе письмо Александра к Лагарпу от 27 сентября (8 октября) 1797 г.¹⁴, написанное великим князем в Гатчине. (Новосильцев, хотя и не смог получить разрешение на въезд во Францию, все же сумел переслать его Лагарпу). В письме Александр так охарактеризовал цель поездки: «Он [Новосильцев. – Ю.А.] совершает путешествие, чтобы Вас увидеть, спросить Вашего совета и руководства в самом важном деле: как облагодетельствовать Россию, учредив в ней свободную конституцию».¹⁵ После достижения этой цели великий князь планировал отказаться от власти.¹⁶ Александр приводил конкретные вопросы, которые Новосильцев должен задать Лагарпу: «Мы поручили ему задать Вам множество вопросов о способах образования, с помощью которых знание легче всего приживается и распространяется так, чтобы можно было в кратчайшие сроки просветить умы».¹⁷ Таким образом, Новосильцев выступил в качестве делегата от великокняжеского кружка, но Александр счел нужным в письме Лагарпу оговорить темы, которые должны быть затронуты.

После воцарения Александра Лагарп получил приглашение приехать в Россию. Он про-

был в Петербурге с августа 1801 по май 1802 г., не принимая непосредственного участия в государственных делах, но при этом давал советы Александру и считался членом Негласного комитета. Он занимал в Негласном комитете особое положение: воспитатель Александра входил в комитет, но не присутствовал на заседаниях. Лагарп сам отказался от участия в них, Чарторыйский пишет, что «император, вероятно, был также этим доволен несомненно, сознавая странную роль, которую пришлось бы играть швейцарскому гражданину и революционеру при обсуждении предстоящих для русской империи реформ».¹⁸ Впрочем, кресло для Лагарпа на заседаниях все же было приготовлено.¹⁹ Несмотря на то, что Лагарп не участвовал в собраниях комитета, он часто беседовал с императором и представлял ему записки по государственным и административным вопросам. Записки были весьма обширны: некоторые из них читались на заседаниях и передавались членам комитета для более внимательного изучения на дому.²⁰

Члены Негласного комитета, понимая привязанность и доверие Александра к Лагарпу, пытались использовать его как инструмент влияния на царя. Например, они безуспешно использовали мнение Лагарпа и его аргументы, чтобы раскритиковать проект Г. Р. Державина, посвященный реформе Сената: «Сначала мы сказали ему, насколько восхищены Лагарпом, и насколько его принципы согласуются с нашими. “Между нами, – сказал Его Величество, – он совсем не хочет, чтобы я удалился от власти”. Мы ответили, что того же мнения, и что только таким образом он может делать благо, а секция Сената, которой в проекте Державина была предоставлена законодательная власть, стремится ему помешать. Это он прочувствовал так хорошо, и был настолько согласен, что мы больше не настаивали».²¹

Лагарп, в свою очередь, привлекал внимание императора к волновавшим его вопросам, тем самым оказывая влияние на работу Негласного комитета. Описывая заседание 4 ноября 1801 г., Строганов сообщает, что Лагарп озабочен крестьянским вопросом и обратил на него внимание Александра.²² Во время разработки

¹⁰ РГАДА. Ф. 1278 «Строгановы». Д. 17. Л. 69–98.

¹¹ Там же.

¹² Сафонов М.М. Указ. соч. С. 47.

¹³ РГАДА. Ф. 1278. Д. 17. Л. 69–98.

¹⁴ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. T. 1. P. 214–217.

¹⁵ Ibid. P. 215.

¹⁶ Ibid. P. 216.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Чарторыйский А. Указ. соч. С.140.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С.139.

²¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 100.

²² Там же. С. 102.

указов о запрете индивидуальной продажи крестьян без земли и о разрешении покупки земель лично свободными недворянами император, недовольный позицией «молодых друзей», отправил Новосильцева посоветоваться с Лагарпом²³, мнение которого было передано на заседании 18 ноября 1801 г.²⁴

Лагарп также составил регламент заседаний в Непременном совете, прочитанный в комитете 21 ноября 1801 г.²⁵ Поводом для создания этого документа стала беседа Лагарпа с Новосильцевым, в ходе которой Новосильцев сообщил об отсутствии порядка в прениях, возникающих в совете, после чего Лагарп взялся за работу над регламентом. Регламент был основан на французской политической практике, но Строганов отметил, что Лагарп внес в него некоторые изменения, «приспособив его под наши обычаи».²⁶

Однако взаимодействие Лагарпа с членами Негласного комитета не всегда было успешным: их мнения порой расходились. Например, во время обсуждения министерской реформы Александр напомнил коллегам по комитету о том, что следует посоветоваться с Лагарпом, несмотря на то, что сам уже одобрил представленный проект.²⁷ Содержанием своей беседы с Лагарпом о разделении министерств Новосильцев поделился с Александром и остальными 21 апреля 1802 г.²⁸ На следующем заседании, 5 мая 1802 г., Строганов выразил сожаление, что Лагарп при личных встречах с ним и с Новосильцевым не делился открыто своими соображениями: «... мы имеем противоположные мнения, было бы интересно, зная эту мысль вовремя, иметь возможность поспорить с господином Лагарпом и, таким образом, разъяснить предмет».²⁹ Лагарп, следовательно, не считал нужным открыто высказывать свои соображения членам Негласного комитета, а сообщал их напрямую императору наедине. При этом сила его влияния на Александра была, судя по всему, так велика, что Строганов жаловался на невозможность «поспорить» с ним, пока он еще не внушил свои идеи царю.

Возможно, именно из-за таких инцидентов «молодые друзья» относились к деятельности

Лагарпа ревниво и впоследствии отзывались о нем с пренебрежением. Чарторыйский, например, писал в своих мемуарах, что пребывание Лагарпа в Петербурге в начале царствования Александра серьезного значения не имело.³⁰ Однако это высказывание Чарторыйского можно объяснить и личной неприязнью, ставшей реакцией на критику со стороны Лагарпа. Ознакомившись с одной из записок Чарторыйского, Лагарп так отозвался о ней: «Проект представляет безобразную смесь клочков, вырванных из конституций различных стран и сшитых на живую нитку»³¹, – и это мнение совпало с мнением Александра.

У Лагарпа были сложные отношения не только с членами Негласного комитета, но и с александровским окружением в целом. Во многом это было обусловлено обстоятельствами вступления Александра на престол: Лагарп считал, что его присутствие в Петербурге и общение с императором невыгодно дворянским группировкам, желавшим максимально расширить свое влияние. Подтверждение тому Лагарп находил в затруднениях, с которыми он столкнулся после воцарения Александра при попытке наладить переписку и вернуться из Европы в Петербург.³² Описывая обстоятельства отправки своего первого письма Александру-императору от 13 апреля 1801 г., он говорит о плане одного из участников антипавловского заговора, Н. П. Панина, по превращению Александра I в «марионетку»: получения за него детальных дипломатических отчетов, удалении верных людей (себя Лагарп считал вошедшим в их число, следствием чего были препятствия к переписке с императором, проблемы с получением паспорта). Без ложной скромности Лагарп сравнивает себя с «метеором, вид которого невыносим» для александровских придворных.³³

Лагарп до самой смерти оставался очень высокого мнения о своем воспитаннике и его личных качествах³⁴, а в период своего пребывания в Петербурге стремился максимально оградить императора от негативного влияния двора.

²³ Там же. С. 107.

²⁴ Там же. С. 108.

²⁵ Там же. С. 122.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 210.

²⁸ Там же. С. 214.

²⁹ Там же. С. 221.

³⁰ Чарторыйский А. Указ. соч. С. 140.

³¹ Цит. по: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX века: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 58.

³² Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. T. 1. P. 229.

³³ Ibid. P. 231–232.

³⁴ Андреев А. Ю. «Записки» Ф.-С. Лагарпа как источник по истории России конца XVIII – начала XIX в. С. 12.

В письме, отправленном Лагарпом Александру 30 августа 1801 г., в преддверии коронации, учитель, руководствуясь собственным опытом, дает Александру советы, как следует вести себя с сановниками и принимать решения: «Слушайте с Вашей обычной любезностью, но руководите беседой и, выслушав, беспристрастно оцените мнения, а затем огласите и разъясните свою волю. <...> Необходимо, чтобы те, кого Вы поставили во главе общественных департаментов, свыклись с идеей, что они лишь Ваши делегаты; чтобы Вы имели право и привычку все знать. <...> Некогда нынешние главы департаментов обладали деспотической властью: говорили, что каждый из них император. Это освобождало суверена, ему было не по достоинству вникать во все самому! Таковы были причины подобного порядка; но бесчисленные неприятности стали его результатом; разве кто-то осмелился рассказать о них? Я не могу повторять это слишком долго, Государь, отдавайте должное главам департаментов, слушайте их; но решайте самостоятельно, без них, а затем дайте им знать спокойно, что ваше решение принято, и им остается только с ним смириться».³⁵ Интересно, что эти наставления Лагарпа напоминают советы, которые давал своему сыну не кто иной, как Людовик XIV, писавший: «Будьте господином, выслушайте своих советников, но решайте сами».³⁶

Лагарп настолько опасался того, что Александр может лишиться самостоятельности при принятии решений, что 22 декабря 1801 г. написал целое письмо, посвященное слухам о возможном учреждении должности государственного канцлера и назначении на нее А. Р. Воронцова.³⁷ Лагарп приводит несколько аргументов против этого, как общих, так и связанных с личностью самого Воронцова: он считает, что канцлер станет «абсолютным монархом», и Александр попадет от него в зависимость; Воронцов проповедует принципы, противоположные реформам и не станет менять взгляды; даже Екатерина II воздержалась в свое время от назначения Н. И. Панина канцлером (хотя на деле он и заведовал

иностранной коллегией), и т.д.³⁸ Мнение Лагарпа о Воронцове было поразительно схоже с тем, что говорил о нем на заседаниях Негласного комитета сам император: Воронцов подвержен предрассудкам, которые несовместимы с политикой реформирования.³⁹ В целом, Лагарп всеми средствами старался убедить Александра не делить власть ни с кем из приближенных, самому контролировать все отрасли администрации и считал это залогом успешного проведения реформ. Примечательно, что, отвечая на это письмо, Александр написал Лагарпу о беспочвенности описанных им слухов, однако пост государственного канцлера все же был учрежден в 1802 г., и назначен на него был именно А. Р. Воронцов. Следует отметить, что изначально своим участием в работе над реформами и сотрудничеством с Негласным комитетом Воронцов во многом был обязан «молодым друзьям», привлечшим его в качестве противовеса влиянию заговорщика П. А. Зубова.⁴⁰ Таким образом, в данном случае позиции Лагарпа и «молодых друзей» вновь оказались противоположными.

Лагарп так боялся постороннего влияния на Александра, поскольку возлагал на своего воспитанника огромные надежды, как и все российское общество. Отличительной чертой начала XIX в. стало всеобщее стремление к переменам, неразрывно связанное с реформаторским настроем императора и его окружения. Уже 13 апреля 1801 г., спустя месяц после воцарения Александра, Лагарп писал ему о необходимости административной реформы. В этом вопросе Александр был вполне солидарен с Лагарпом. Именно «реформа порочной администрации»⁴¹ стала первоочередной задачей, которую он поставил перед Негласным комитетом.

Следует отметить, что значимость административных преобразований для российских реформаторов начала XIX в. определяется пониманием ими самого термина «администрация». Так, участники Негласного комитета на заседании 24 июня 1801 г. включают в понятие администрации правосудие, финансы и законодательство.⁴² Средоточием государственной администрации признавался Сенат⁴³, соответ-

³⁵ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. T. 1. P. 243–244.

³⁶ Цит. по: Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». М., 2009. С. 336.

³⁷ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. T. 1. P. 382–384; Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 150.

³⁸ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. T. 1. P. 383.

³⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 150.

⁴⁰ Сафонов М.М. Указ. соч. С. 129.

⁴¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 26.

⁴² Там же. С. 61.

⁴³ Там же. С. 41.

ственно именно подготовку преобразования Сената, начатую Александром уже в июне 1801 г., можно считать началом реализации административной реформы.

По мнению Лагарпа, преобразование администрации открывало путь к усовершенствованию государственного устройства: «...Вам предстоит сегодня обеспечить Вашей нации большое благо. Предотвратите произвол Ваших последователей с помощью таких учреждений, чтобы правительство сохраняло необходимую власть, и народ был предохранен от тирании».⁴⁴ Лагарп подчеркивал, что Александр разделял эти взгляды до восшествия на престол, а теперь молодому императору предстоит «сложное, но почетное дело»⁴⁵: «применить те принципы, верность которых он признал»⁴⁶. Лагарп призывает Александра: «Во имя несчастной человечности, вечно обманутой жертвы политических шарлатанов, во имя просвещения, во имя Вашей собственной славы, сохраните те принципы, приверженцем которых Вы являлись до сегодняшнего дня, и верность которых Вам очевидна. Будьте их защитником; обеспечьте своим покровительством тех, кого преследуют, чтобы сказать, что только по заслугам следует оценивать людей, что человечество имеет неоспоримое право быть свободным, что правительства должны давать своим подданным достойное образование, что невежеством и суевериями могут пользоваться только коварство и тирания».⁴⁷ Лагарп отсылает к прошлым своим беседам с воспитанником, который в тринадцатилетнем возрасте даже дал обет «утвердить благо России на основаниях непоколебимых».⁴⁸ Таким образом, из писем Лагарпа ясно, что задолго до вступления на престол у Александра уже имелись реформаторские намерения в отношении администрации и государственного устройства.

Важным аспектом рассуждений Лагарпа о преобразовании государственного устройства в России является первоочередность административной реформы по отношению к законодательному оформлению ее результатов. В рамках

работы Негласного комитета вопрос о необходимости вначале реформировать администрацию и только после этого законодательно зафиксировать изменения был поставлен Павлом Строгановым. В беседе с Александром 23 апреля 1801 г., предшествовавшей организационному оформлению Негласного комитета, Строганов высказал мысль о том, что «нужно начать с организации правительственных учреждений до того, как создавать, собственно, конституцию, и что она должна быть только следствием того, что она утвердит».⁴⁹ Император, по словам Строганова, благосклонно воспринял эту его идею, которая была признана одной из основ политики реформ.

Особый интерес представляет то, что Лагарп, призывая к проведению реформ, полностью поддерживал сохранение Александром статуса и привилегий самодержца. Так, в письме от 3 сентября 1801 г. он пишет: «Во имя Вашего народа, Государь, сохраните всю ту власть, которой Вы облечены, и которую собираетесь использовать только во благо народа. Не позволяйте отвращению, которое Вам вселяет абсолютная власть, захватить себя. Имейте смелость сохранить ее всю и безраздельно, поскольку конституция Вашей страны вверяет ее Вам легитимно, до тех пор, пока под Вашей эгидой не будут проведены труды, необходимые, чтобы определить границы власти. Тогда Вы сможете сохранить лишь ту власть, которая необходима для активного управления».⁵⁰ Говоря о существовании в России начала XIX в. конституции, Лагарп, вероятно, подразумевает само устройство самодержавного государства, а также некоторые основополагающие законодательные акты, принятые в XVIII в. Похожим образом видит российскую конституцию член Негласного комитета Павел Строганов: в своей записке «О состоянии нашей конституции» он признает конституционными Жалованные грамоты дворянству и городам и институт Сената.⁵¹ Однако, признавая Сенат основополагающим государственным органом, «молодые друзья» призывают императора не наделять его законодательными полномочиями, ссылаясь на отсутствие в нем сословного представительства.⁵² Наделение Сената значительными правами, по мнению Новосильцева, могло

⁴⁴ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. T. 1. P. 235.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid. P. 229.

⁴⁷ Ibid. P. 235–236.

⁴⁸ Семевский В.И. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII – первой четверти XIX века (Очерк из истории политических и общественных идей) // Былое. 1906. № 1. С. 27.

⁴⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 8.

⁵⁰ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. T. 1. P. 249–250.

⁵¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 40.

⁵² Там же. С. 85.

«связать ему (императору) руки», не позволить провести преобразования, повлечь за собой «неприятную борьбу между сувереном и подчиненными ему органами власти».⁵³ Таким образом, и Лагарп, и остальные члены Негласного комитета считают правильным сохранение императором прерогатив самодержавного монарха на протяжении преобразовательного периода, поскольку это облегчит проведение реформ.

По мнению Лагарпа, существующее в России политическое устройство с «монархом-гражданином»⁵⁴ во главе больше подходит для проведения преобразований, нежели западноевропейские политические системы, включающие в себя законодательные органы, которые препятствовали реформам и «практически повсюду не оправдали надежд и дискредитировали саму систему».⁵⁵ Инструментом преобразований в самодержавном государстве является только «воля монарха»⁵⁶, и они всецело зависят от его желания и решения. В данном случае Лагарп действует в традициях советников при дворах европейских монархов. Например, французский реформатор Тюрго (к слову, не продержавшийся на своем посту и двух лет, будучи свергнутым коалицией придворных сфер, высшего духовенства и финансистов), предлагая Людовику XIV программу административных реформ, обращался к нему: «Поскольку Ваше Величество не будете отступать от справедливости, Вы можете смотреть на себя как на неограниченного законодателя (*législateur absolu*) и рассчитывать на свою добрую нацию в исполнении Ваших приказаний».⁵⁷ Установив в качестве одной из основ своей деятельности принцип «Император – единственный творец реформы»⁵⁸, члены Негласного комитета также признают исключительное право одного императора определять принципы и ход преобразований. В записке «Очерк системы реформирования администрации Империи», составленной в мае 1801 г., Строганов пишет: «... законодатель, который после длительной и тяжелой работы достиг не-

скольких частей этой великой цели, уверен в получении после этого благословения народа, восхищения мудрецов и титула благодетеля своего государства».⁵⁹

Образ монарха-законодателя, трудящегося на благо всей нации, использованный и Лагарпом, и Строгановым, представляется связанным с просветительской теорией общественного договора. Доктрины общественного договора у различных философов разнятся, но общим для всех них является то, что они признают договорное, а не божественное происхождение политической власти.⁶⁰ Теорию общественного договора разрабатывали многие философы, но видение ее Лагарпом и Строгановым представляется наиболее близким к концепции Т. Гоббса. По Гоббсу, граждане ради собственной безопасности отказываются в пользу монарха от своих прав, свобод и суверенитета, и суверен остается единственным обладателем прав, от природы принадлежавших каждому человеку. Договор, заключенный между сувереном и его подданными, расторгнуть невозможно, и не существует ни одной легитимной причины вернуться в естественное состояние. Даже если монарх злоупотребляет властью, общественное состояние представляется Гоббсу предпочтительным по отношению к естественному. Итак, модель Гоббса не приемлет никаких форм сопротивления суверену, не ограничивает его ни его собственными законами, ни условиями общественного договора.⁶¹

Оправдывая и признавая в письме императору от 3 сентября 1801 г. легитимность самодержавия, Лагарп, тем не менее, не призывает к сохранению *status quo*, но предвидит изменение политического устройства с помощью ограничения власти в очень отдаленном будущем: «Это длительный процесс. Я надеюсь, что Вы доживете до его окончания и успеете ему порадоваться; но нельзя чтобы ограниченная продолжительность жизни заставила Вас поторопить время: так можно все потерять».⁶² О длительности преобразовательного периода Лагарп пишет и в письме от 16 октября 1801 г.: он считает необходимым предварительный этап сбора сведений, а реформы называет «делом не одного человека и предприятием

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier*. T. 1. P. 325.

⁵⁵ *Ibid.* P. 320.

⁵⁶ *Ibid.* P. 244.

⁵⁷ Цит. по: Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». М., 2009. С. 374.

⁵⁸ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 28.

⁵⁹ Там же. С. 15.

⁶⁰ Подробнее см.: Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. М., 2002.

⁶¹ *Dictionnaire européen des Lumières*. Paris, 2007. P. 292–293.

⁶² *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier*. T.1. P. 249–250.

не одного дня»⁶³ и вновь подчеркивает, что Александр может не дожить до их завершения. Он также напомнил Александру о знаменитом девизе римского императора Октавиана Августа – «*festina lente*» («поспешай медленно») и посоветовал не предпринимать вообще никаких преобразований, пока после наблюдения за ходом администрации, их необходимость не станет очевидна.⁶⁴ В Негласном комитете уже летом 1801 г. было решено, что, прежде чем приступить к конкретным действиям, необходимо подробно ознакомиться с положением дел в области администрации. Для этого участники комитета планировали составить таблицу современного состояния империи⁶⁵, и только после ее создания можно было бы приступить к преобразованиям, результаты которых, по итогам их проведения, планировалось закрепить законодательно. В целом, члены Негласного комитета так представляли себе план работы: «...сначала следует дать себе отчет о нынешнем состоянии вещей, затем приступить к реформированию этих различных частей администрации и, наконец, увенчать эти различные учреждения гарантией, установленной в конституции, установленной согласно подлинному духу нации».⁶⁶

Хотя Лагарп предостерегает Александра от поспешных реформ, он осознает их неизбежность и в письме императору от 16 октября 1801 г. приводит доводы в пользу проведения преобразований. Он выделяет следующие аргументы: во-первых, среди административных злоупотреблений есть неприемлемые; во-вторых, везде, в том числе и в России, существует тенденция к улучшению существующего порядка вещей, и, как доказало павловское царствование, противостоят ей опасно; в-третьих, невежество, в котором пребывает большинство населения, представляющее собой реальную силу, и «полупросвещенность» доминирующего меньшинства, т.е. дворянства, в случае возникновения противостояния между ними могут привести к плачевным последствиям; в-четвертых, недостатки администрации несовместимы с могуществом России; в-пятых, при наличии таких недостатков правитель не застрахован ни от того, чтобы угнетать, ни от того, чтобы самому быть угне-

тенным.⁶⁷ Таким образом, Лагарп обращается к важнейшим проблемам российского государства: неэффективности работы высших административных органов, несправедливости и необразованности большей части населения, возможности произвола со стороны монарха, следствием чего может стать государственный переворот.

В Негласном комитете о причинах административных преобразований рассуждали с большей долей конкретики. В качестве основных недостатков существующей административной системы в записках Строганова фигурируют: хаос, конфликт между Сенатом и его канцелярией во главе с генерал-прокурором, противоречия между Сенатом и Непременным советом, поскольку их полномочия пересекаются; отсутствие ответственного министерства, неэффективность прокурорского надзора.⁶⁸ Поскольку члены Негласного комитета были нацелены на поиск решения конкретных проблем, то и представления их о недостатках системы более точно отражали реальные слабые места административной системы.

И Лагарп, и члены Негласного комитета осознавали, что сложившийся государственный уклад при всем его несовершенстве невозможно изменить, не имея поддержки хотя бы части российского общества, которое в XVIII – начале XIX в. состояло, в основном, из дворян.⁶⁹ Лагарп обращается к поиску противников и сторонников реформ. В числе противников он называет: все верховные учреждения; всех дворян за редким исключением; большинство буржуазии, непросвещенной и привыкшей доминировать; почти всех пожилых людей с устоявшимися привычками; почти всех иностранцев; всех, кто испугался опыта Франции, Гельветической республики, Италии и т.п.; иностранных агентов, не желающих России процветания; саму систему рангов, в которой люди стремятся только продвинуться по служебной лестнице, а не выполнить свою работу. Но наибольшую опасность, по мнению Лагарпа, представляют те, кто посвящен в тайну и могут распространить слухи, которые приведут к волнениям среди всех вышеперечисленных.⁷⁰ Эти размышления Лагарпа можно связать не

⁶³ Ibid. P. 319.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 61.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. T.1. P. 316.

⁶⁸ Ibid. P. 177.

⁶⁹ См. подробнее: Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.

⁷⁰ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. T.1. P. 318.

только с важнейшим принципом деятельности Негласного комитета – секретностью, но и с возникновением комитета как такового: круг деятелей, полностью посвященных в намерения императора, был сужен до минимума, до пяти человек. В целом, Лагарп включает в число противников реформ практически всех более или менее образованных людей империи. Число сторонников реформ видится Лагарпу значительно более скромным, однако к ним принадлежит сам император, облеченный властью. Большая часть народа вообще не учитывается Лагарпом из-за невежества и бесправия. В качестве рядовых исполнителей преобразований Лагарп предлагает привлечь на первых порах иностранцев-европейцев, а также поляков с их просветительскими традициями, немецких жителей Финляндии, Эстонии, Ливонии и Курляндии, обладающих высоким культурным уровнем.⁷¹ Таким образом, Лагарп пишет о неготовности российского общества к глобальным преобразованиям, об отсутствии внутри страны социальной группы, на которую мог бы опереться государь-реформатор.

При определенных условиях, тем не менее, российское общество можно постепенно готовить к восприятию преобразований. По мнению Лагарпа, российские подданные прежде всего нуждаются в сохранении мира, только при таком условии возможно исполнение большого проекта Александра, поэтому ему следует положить конец амбициям тех своих приближенных, кто требует продолжения завоеваний. Вторая насущная необходимость для российского общества – это образование. Екатерина II уже начала движение в этом направлении, создав систему народных училищ⁷² – учреждений, хоть и отмеченных, по мнению Лагарпа, множеством пороков, но исправимых. Лагарп выступил инициатором обсуждения проблемы народного просвещения в Негласном комитете. 23 декабря 1801 г. император зачитал записку Лагарпа о народном просвещении⁷³, а также его вопросы для дальнейшей разработки этой темы. Инициатива Лагарпа послужила импульсом к возобновлению активной работы уже существующей комиссии по народному просвещению.⁷⁴ Сам Лагарп позднее (заседание 11 апреля 1802 г.) представил

свой проект создания министерства народного просвещения⁷⁵; проект был признан приемлемым, однако реализация его, по мнению членов комитета и императора, не требовала той срочности, о которой говорил Лагарп. Третьим шагом императора должна стать судебная реформа и написание нескольких кодексов, которые обеспечат подданным получение первых гражданских свобод и подготовят их к остальным⁷⁶.

В Негласном комитете также обсуждалась возможная реакция общества на преобразования. На заседании 18 ноября 1801 г. обсуждение крестьянского вопроса повлекло за собой дискуссию о том, стоит ли опасаться возможного недовольства в обществе. Мнение Лагарпа по этому вопросу было специально передано собравшимся на заседании: он полагал, что преобразования могут повлечь «опасный ропот».⁷⁷ Новосильцев больше всего опасался реакции дворян, которых, по его мнению, не следовало «слишком рассердить и напугать». Кочубей, Чарторыйский и Строганов не придавали столь серьезного значения дворянской реакции. Строганов считал дворянством людей, «которые стали благородными только благодаря службе, которые не получили никакого образования, и все идеи которых лишь в том, чтобы не видеть ничего кроме власти Императора. Ни право, ни справедливость – ничто не может породить в них мысль и о самом малом сопротивлении! Это самое невежественное сословие, самое гнусное и его дух наиболее косный».⁷⁸ Такую оценку Строганов дает сословию, к которому относится и он сам, и его коллеги по комитету. При этом он осознает, что дворянство является опорой власти императора: «на них, как в любом деспотичном государстве, опирается Государь».⁷⁹ Причем Строганов полагает, что в деспотичном государстве перемены проводятся с легкостью, «поскольку совершаются волей только одного. Остальные следуют за ним, как бараны».⁸⁰ Предлагая не бояться реакции дворян, Строганов призывает присутствующих обратить внимание на крестьянское сословие – такое приниженное и многочисленное – и попытаться сделать что-то в его интересах, пока чаша народного

⁷¹ Ibid. P. 319.

⁷² В 1782 г. была создана Комиссия об устройстве народных училищ, а в 1786 г. издан Устав народным училищам (ПСЗ-1 (1649–1825). Т. 22. № 16.421. С. 646).

⁷³ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 145.

⁷⁴ Там же. С. 146.

⁷⁵ Там же. С. 211.

⁷⁶ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. T. 1. P. 236.

⁷⁷ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 108.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 114.

⁸⁰ Там же. С. 112.

терпения не переполнилась.⁸¹ Но, несмотря на пространные рассуждения Строганова, ему не удалось убедить товарищей по комитету и императора не обращать внимания на дворянство, они «остались при своем мнении».⁸² Таким образом, участники Негласного комитета не сомневались, что возможные преобразования могут вызвать у дворянства отторжение, и задались вопросом, стоит ли обращать внимание на это сопротивление. В Негласном комитете были высказаны две точки зрения, но император занял более осторожную позицию.

Несмотря на то, что Негласный комитет насчитывал всего пять членов, говорить о единстве в его рядах не приходится, в основном, из-за противоречий между «молодыми друзьями» и Ф.-Ц. Лагарпом. Лагарп был облечен доверием императора до такой степени, что участники комитета пытались воспользоваться силой его влияния с целью внушения Александру казавшихся им верными идей. Однако вся история взаимоотношений «молодых друзей» и Лагарпа демонстрирует, что последний довольно неохотно шел на контакт с остальными членами комитета, не говоря о том, чтобы убеждать в их правоте императора. Результатом этого стало постепенное ухудшение отношения «молодых друзей» к Лагарпу, нашедшее отражение в их воспоминаниях. Общим собраниям Негласного комитета, членом которого он считался, скорее, в знак уважения, Лагарп предпочитал личные встречи с Александром и переписку. Апеллируя к своим прошлым беседам и занятиям с воспитанником, Лагарп предложил Александру долгосрочную программу преобразований, направленную на постепенное образование и

наделение правами населения, масштабную кодификацию и усовершенствование администрации. В отдаленной перспективе Лагарп не исключал возможность перехода от самодержавной монархии к конституционной с целью предотвращения деспотического правления. Важнейшим условием для осуществления этой программы преобразований Лагарп считал сохранение Александром всей полноты самодержавной власти, независимости императора от двора и приближенных, самостоятельности в решениях. Возможно, именно боязнь негативного влияния на Александра изначально отделила Лагарпа от остальных членов комитета. Несмотря на отсутствие взаимной симпатии между ними, идеи, которыми делился с императором Лагарп, были во многом схожи с позицией, которую занимали по вопросам реформирования империи «молодые друзья».⁸³ Вопросы, которые Лагарп затрагивал в своих письмах, поднимались и на заседаниях комитета, причем часто Лагарп инициировал обсуждение конкретной проблемы. Кроме того, император часто предлагал «молодым друзьям» посоветоваться с Лагарпом. Проблема народного просвещения, которой Лагарп придавал определяющее значение, был посвящен специально написанный им проект. Его чтение и обсуждение прошли в Негласном комитете. Таким образом, несмотря на отсутствие у Лагарпа и остальных членов Негласного комитета взаимопонимания в личных отношениях, их взаимодействие в рамках работы комитета оставалось продуктивным из-за идейной близости. В конечном счете, Лагарп занимался тем, чего от него еще и ждали «молодые друзья»: внушал императору их общие идеи.

⁸¹ Там же. С. 114.

⁸² Там же. С. 115.

⁸³ Андреев А.Ю. «Записки» Ф.-С. Лагарпа как источник по истории России конца XVIII – начала XIX в. С. 20.

Библиография:

1. Андреев А. Ю. «Записки» Ф.-С. Лагарпа как источник по истории России конца XVIII – начала XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви. 2013. № 4.
2. Андреев А. Ю. Император и его учитель: личные и политические аспекты взаимоотношений Александра I и Ф.-С. Лагарпа // Филаретовский альманах. 2012. № 8.
3. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869.
4. Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.
5. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). СПб., 1903. Т. 2.
6. Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». М., 2009.
7. Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. М., 2002.
8. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. Л., 1988.

9. Семевский В.И. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII – первой четверти XIX века (Очерк из истории политических и общественных идей) // Былое. 1906, №1.
10. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX века: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.
11. Чарторыйский А. Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия: из записок князя А. Чарторыйского. М., 2007.
12. Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille imperiale de la Russie (publiee par J.Ch.Biaudet et F.Nicod). Neuchatel, 1978-1980. T. 1.
13. Dictionnaire europeen des Lumières. Paris, 2007.

References:

1. Andreev A. Yu. «Zapiski» F.-S. Lagarpa kak istochnik po istorii Rossii kontsa XVIII – nachala XIX v. // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi. 2013. № 4.
2. Andreev A. Yu. Imperator i ego uchitel': lichnye i politicheskie aspekty vzaimootnoshenii Aleksandra I i F.-S. Lagarpa // Filaretovskii al'manakh. 2012. № 8.
3. Bogdanovich M.I. Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremya. SPb., 1869.
4. Grosul V.Ya. Russkoe obshchestvo XVIII–XIX vekov. Traditsii i novatsii. M., 2003.
5. Nikolai Mikhailovich, vel. kn. Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov (1774–1817). SPb., 1903. T. 2.
6. Kareev N. I. Zapadnoevropeiskaya absolyutnaya monarkhiya XVI, XVII i XVIII vekov: obshchaya kharakteristika byurokraticheskogo gosudarstva i soslovnogo obshchestva «starogo poryadka». M., 2009.
7. Obshchestvenno-politicheskaya mysl' evropeiskogo Prosveshcheniya. M., 2002.
8. Safonov M. M. Problema reform v pravitel'stvennoi politike Rossii na rubezhe XVIII i XIX vekov. L., 1988.
9. Semevskii V.I. Vopros o preobrazovanii gosudarstvennogo stroya Rossii v XVIII – pervoi chetverti XIX veka (Ocherk iz istorii politicheskikh i obshchestvennykh idei) // Byloe. 1906, №1.
10. Pisar'kova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi chetverti XIX veka: zamysly, proekty, voploshchenie. M., 2012.
11. Chartoryiskii A. Russkii dvor v kontse XVIII i nachale XIX stoletiya: iz zapisok knyazya A. Chartoryiskogo. M., 2007.
12. Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille imperiale de la Russie (publiee par J.Ch.Biaudet et F.Nicod). Neuchatel, 1978-1980. T. 1.
13. Dictionnaire europeen des Lumières. Paris, 2007.